СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LII, № 1.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ЗА 1890 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ
К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1891 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1890 годъ,

составленный ординарнымъ академикомъ **К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ** и читанный въ торжественномъ собраніи 29 декабря А. Н. Веселовскимъ.

Въ 1890 году личный составъ Отдѣленія русскаго языка и словесности увеличился тремя новыми членами: три лица, въ теченіе многихъ лѣтъ состоявшія корреспондентами Отдѣленія, избраны его дѣйствительными членами со званіемъ ординарныхъ академиковъ: К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. А. Лавровскій и Н. С. Тихонравовъ. Двое послѣднихъ не имѣютъ постояннаго пребыванія въ Петербургѣ, однако временно принимали участіе въ засѣданіяхъ Отдѣленія, а первый постоянно участвовалъ въ нихъ съ осени отчетнаго года.

Дѣятельность II Отдѣленія Академіи Наукъ и въ 1890 году продолжалась въ направленіи, указанномъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ, на основаніи котораго въ обязанность Отдѣленія входятъ прежде всего грамматическіе и словарные труды. Вслѣдствіе того въ настоящее время Отдѣленіе болѣе всего озабочено приготовленіемъ новаго изданія Академическаго Словаря. О планѣ его и о предварительныхъ къ нему работахъ было уже говорено въ отчетахъ за прошедшіе годы. Общій его характеръ можетъ быть опредѣленъ названіемъ *практическаго*;

Отдѣленіе имѣетъ въ виду дать словарь, примѣненный къ потребностямъ не однихъ лишь ученыхъ, но и массы образованныхъ людей вообще: значеніе словъ объясняется возможно точными и сжатыми опредѣленіями, а употребленіе ихъ примѣрами изъ лучшихъ писателей, какъ прозаиковъ, такъ и поэтовъ; при словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, указывается ихъ происхожденіе. Въ отчетномъ году главный редакторъ словаря ординарный академикъ Я. К. Гротъ посвящалъ работѣ надъ нимъ все время, остававшееся у него свободнымъ отъ исполненія обязанностей по занимаемымъ имъ должностямъ вице-президента Академіи и предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности. По мѣрѣ изготовленія вчернѣ нѣсколькихъ столбцовъ словаря онъ сообщалъ ихъ въ корректурныхъ листахъ на просмотръ Отдѣленія, члены котораго и высказывали въ засѣданіяхъ свои замѣчанія; такимъ образомъ работа надъ словаремъ составляла предметъ общаго обсужденія, въ которомъ постоянно принималъ участіе и присутствовавшій въ засѣданіяхъ Августѣйшій Президентъ Академіи, предварительно удостоивавшій дѣлать письменныя замѣчанія на корректурныхъ листахъ. Затѣмъ, по занесеніи академикомъ Гротомъ предложенныхъ исправленій и дополненій въ текстъ словаря, новые корректурные листы разсылались академикамъ другихъ двухъ Отдѣленій и нѣсколькимъ постороннимъ ученымъ, которые въ свою очередь сообщали главному редактору то, что считали нужнымъ замѣтить. Къ числу этихъ постороннихъ сотрудниковъ словаря, которымъ Отдѣленіе обязано многими полезными указаніями, принадлежатъ: А. С. Будиловичъ, И. В. Будиловскій, Ѳ. Ѳ. Веселаго, П. А. Гильтебрандтъ, К. Я. Гротъ, Н. Ѳ. Здекауэръ, Л. О. Змѣевъ, А. О. Кони, П. А. Костычевъ, А. А. Лебедевъ, М. И. Меліоранскій, баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ, И. В. Помяловскій, С. И. Пономаревъ, А. Н. Пыпинъ, баронъ В. Р. Розенъ, М. А. Рыкачевъ, А. И. Савельевъ, Н. П. Собко, П. В. Шейнъ и другіе, имена которыхъ будутъ въ свое время обнародованы. Вслѣдствіе просмотра

листовъ словаря столькими лицами, работа надъ нимъ не могла конечно подвигаться быстро, но за то употреблены были всѣ ручательства для доставленія ей возможной степени удовлетворительности. Въ настоящее время набирается буква В. Приготовленіе матеріаловъ съ выборомъ словъ и цитатъ изъ литературныхъ произведеній дѣятельно продолжается.

Въ 1890 году появилось начало другого важнаго изданія Отдѣленія: вышелъ первый выпускъ труда покойнаго академика И. И. Срезневскаго, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ». Въ этотъ выпускъ вошли буквы А, Б, В и частью Г. Покойный Срезневскій въ теченіе многихъ лѣтъ собиралъ матеріалы для этого словаря въ видѣ расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ выписокъ изъ старинныхъ памятниковъ рукописныхъ и печатныхъ. Этотъ богатый матеріалъ онъ началъ приводить въ порядокъ и даже приступилъ было къ печатанію въ концѣ 60-хъ годовъ; но найдя необходимымъ подвергнуть матеріалъ новой обработкѣ, остановилъ печатаніе. Послѣ кончины И. И. Срезневскаго, приведеніемъ въ порядокъ матеріаловъ занялась дочь его О. И. Срезневская, а печатаніе шло подъ надзоромъ ординарныхъ академиковъ—сначала И. В. Ягича, а потомъ А. Ѳ. Бычкова. Трудъ этотъ можетъ быть очень полезнымъ пособіемъ для изслѣдователя, и потому Отдѣленіе рѣшило печатать его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ оказался по смерти составителя, только дополнивъ ссылками на новыя изданія памятниковъ; повѣрка же всѣхъ цитатъ, которая могла бы слишкомъ замедлить изданіе, была отклонена. Вотъ почему словарь и является подъ заглавіемъ: «Матеріаловъ».

Говоря объ участіи ординарнаго академика А. Ѳ. Бычкова въ изданіи этого труда, нельзя не упомянуть того, что Отдѣленіе, вмѣстѣ со всей Академіей, приняло участіе въ торжествѣ пятидесятилѣтняго юбилея общественной и литературной дѣятельности Аѳанасія Ѳедоровича, и въ адресѣ, прочитанномъ отъ имени Академіи М. И. Сухомлиновымъ, ученая

дѣятельность юбиляра была опредѣлена слѣдующимъ образомъ: «Въ своихъ изысканiяхъ вы не ограничились предѣлами одного какого-либо періода, простирая ихъ на памятники различныхъ временъ — отъ Остромирова Евангелія, Сборника Святослава, Судебника Іоанна IV и т. д. до произведеній Крылова и Жуковскаго. Составленное вами описаніе Сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки вноситъ драгоцѣнные вклады въ науку. Изданіемъ писемъ и бумагъ Петра Великаго вы созидаете ему памятникъ, увѣковѣчивающій мысли и стремленія геніальнаго русскаго человѣка».

Ординарный академикъ М. И. Сухомлиновъ занимался въ 1890 году приготовленіемъ къ изданію сочиненій Ломоносова; приступлено къ печатанію перваго тома. Кромѣ того, подъ редакціей М. И. Сухомлинова, въ истекающемъ году, изданъ VI-й томъ «Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ», заключающій въ себѣ исторію Академіи, составленную въ прошломъ вѣкѣ знаменитымъ Г. Ф. Миллеромъ, и оконченъ печатаніемъ VII-й томъ, въ которомъ содержатся документы, относящіеся къ 1744 и 1745 годамъ.

Дѣятельность Академіи Наукъ, со времени ея основанія и до преобразованій при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, представляетъ много яркихъ и видныхъ чертъ для исторіи умственной и отчасти общественной жизни Россіи. Большое значеніе въ судьбахъ Академіи Наукъ имѣютъ сороковые года прошлаго столѣтія. Со вступленіемъ на престолъ дочери Петра Великаго явилась надежда на осуществленіе той мысли, съ которой учреждена Академія. Завѣтною мыслью Петра Великаго было призвать русскихъ ученыхъ въ академическую среду. Академикъ Пекарскій въ своей «Исторіи Академіи Наукъ» говоритъ: «Распорядители Академіи неблагосклонно смотрѣли на проникновеніе русскаго элемента въ ученое общество; но они знали очень твердо, что Императрица Елисавета при всякомъ удобномъ случаѣ выказывала особенное расположеніе ко всему родному: только такимъ направленіемъ самой Императрицы и слѣдуетъ объяснить, что въ

Академіи Наукъ, при жизни этой государыни, стали появляться русскіе ученые». Въ сороковыхъ годахъ составленъ и утвержденъ первый академическій уставъ, дѣйствовавшій до начала XIX столѣтія. Къ тому же времени относится возникшая въ Академіи и имѣющая историческій интересъ борьба между представителями науки и бюрократіей въ лицѣ Шумахера.

Разнообразныя данныя, находящіяся въ документахъ, изданныхъ въ VII-мъ томѣ, свидѣтельствуютъ о трудахъ Академіи, содѣйствовавшихъ какъ развитію науки вообще, такъ и изученію Россіи въ частности. Трудами академиковъ составлена была генеральная карта Россіи и сверхъ того девятнадцать спеціальныхъ картъ областей, входящихъ въ составъ Россійской имперіи. Для дальнѣйшаго усовершенствованія предпринятаго труда Академія обратилась къ содѣйствію различныхъ вѣдомствъ. Она просила Правительствующій Сенатъ доставлять ей свѣдѣнія— о всемъ томъ, что относится до географіи, будутъ ли то чертежи, или только «политическія описанія» и т. п. Отъ комерцъ-коллегіи Академія требовала описи всѣмъ купеческимъ городамъ и гаванямъ; отъ ямской канцеляріи — обстоятельнаго реестра всѣмъ ямамъ и почтовымъ станамъ; отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ— «подлиннаго извѣстія о границахъ россійскаго государства» и т. д. Для собиранія требуемыхъ свѣдѣній Академія давала инструкціи, а для того, чтобы «промыслить можно было» карты главныхъ рѣкъ въ Россіи, предлагала снарядить ученую экспедицію.

Для собиранія и описанія естественныхъ произведеній предпринимаемы были ученыя путешествія. Какъ на любопытную черту тогдашняго времени можно указать на требованія тайны даже относительно наблюденій въ области естественныхъ наукъ и астрономіи.

Для трудовъ Миллера и Гмелина, для переписки «сибирской географіи и натуральной исторіи» избрано было лицо, которому накрѣпко подтверждено, чтобы онъ «сіе дѣло содержалъ тайно, и не только списывать, но и читать никому не давалъ: вмѣсто присяги взятъ съ него письменный реверсъ съ обязательствомъ».

На страницахъ изданія разсѣяны свѣдѣнія объ ученыхъ трудахъ Ломоносова, Тредіаковскаго и другихъ академиковъ.

Вольфова «Экспериментальная Физика», переведенная Ломоносовымъ съ латинскаго языка на русскій, отдана была на разсмотрѣніе профессору Гмелину, который нашелъ, что переводъ довольно хорошъ и «силу сочинителя весьма хорошо изъяснилъ». Переводъ представленъ былъ въ сенатъ, оттуда и получено разрѣшеніе печатать. Въ теченіе многихъ лѣтъ Ломоносовъ добивался учрежденія химической лабораторіи, доказывая ея пользу и необходимость.

Тредіаковскій, вступая въ Академію, обѣщался «въ совершенство приводить русскій языкъ въ простыхъ рѣчахъ или стихами» и «переводить съ латинскаго и французскаго все, что ему дастся». Академическія власти пользовались въ самомъ широкомъ размѣрѣ обязательствомъ, принятымъ на себя Тредіаковскимъ. Онъ долженъ былъ переводить съ французскаго и книги литературнаго содержанія и канцелярскія бумаги. Напрасно онъ обращался за содѣйствіемъ при переводѣ сочиненій, требовавшихъ спеціальныхъ познаній въ области той или другой науки: спеціалистовъ не оказывалось, и Тредіаковскому приходилось «волею или неволею» создавать свою терминологію. Между прочимъ ему поручено было осмотрѣть всѣ французскія книги, находящіяся въ Лѣтнемъ Ея Величества дворцѣ.

По мысли Петра Великаго Академія Наукъ должна была служить не только средоточіемъ научной дѣятельности, но и разсадникомъ просвѣщенія въ Россіи. Съ этою цѣлью учреждены были при Академіи университетъ и гимназія. Въ какомъ печальномъ состояніи находились въ ту пору эти учрежденія, видно изъ того, что въ университетѣ было всего четверо студентовъ изъ природныхъ русскихъ, а въ гимназіи недоставало необходимыхъ пособій, и мѣста́ преподавателей оставались не занятыми. Два года не было въ гимназіи учителя чистописанія, вслѣдствіе чего родители брали оттуда своихъ дѣтей; болѣе года не начинали пе-

чатать нѣмецкой грамматики, несмотря на большой спросъ на нее между русскими учениками.

Главную причину упадка и безурядицы академики видѣли въ самовластіи и произволѣ Шумахера, державшаго въ своихъ рукахъ судьбы Академіи. Нѣкоторыя изъ обвиненій, взводимыхъ на Шумахера, не лишены интереса по отношенію къ русской литературѣ. Такъ, напримѣръ, академики обвиняли Шумахера въ томъ, что при выборѣ книгъ для перевода на русскій языкъ онъ поступалъ совершенно произвольно, не справляясь ни съ мнѣніемъ людей науки, ни съ потребностями русскаго общества. Шумахеръ всячески старался удалить академиковъ отъ Двора. По прежнему обычаю, они являлись въ торжественные дни во дворецъ и подносили государынѣ одно изъ академическихъ изданій; Шумахеръ задерживалъ приглашенія ко Двору.

Несмотря на то, сочувствіе къ Академіи не вовсе исчезло въ обществѣ. Съ ней поддерживали сношенія образованнѣйшіе люди того времени, какъ напримѣръ, Татищевъ; научныя учрежденія Академіи посѣщались членами св. Синода и другими сановниками, сама императрица обращала вниманіе на академическія дѣла. По волѣ императрицы другъ Ломоносова Рихманъ показывалъ при Дворѣ электрическіе опыты, «дабы ея величество собственною высочайшею своею особою дѣйствіе онаго эксперимента видѣть изволила». Академическая кунсткамера привлекала всеобщее любопытство. Таубертъ доносилъ Академіи Наукъ: «Ежедневно множество всякаго чина людей приходятъ и просятся въ кунсткамеру, при чемъ для случающагося всегда *великаго множества*, за всѣми усмотрѣть никоимъ образомъ невозможно и потому не безъ опасенія, чтобы вещи какія не утратились» и т. д.

Ординарный академикъ И. В. Ягичъ продолжалъ въ 1890 году печатаніе своего обширнаго труда, который можно бы по примѣру латинскихъ изданій подобнаго рода назвать «Corpus grammaticorum sloveno-rossicorum». Въ это изданіе войдутъ, кромѣ отдѣльныхъ сочиненій, обозначенныхъ именемъ автора, и анонимныя полныя грамматики, и многочисленныя статьи граммати-

скаго содержанія, встрѣчающіяся въ рукописныхъ сборникахъ XVI—XVII вѣковъ. До сихъ поръ отпечатано слишкомъ 25 листовъ; трудность чтенія корректуръ и отдаленность настоящаго мѣстопребыванія редактора замедлили окончаніе печатанія. Есть надежда, что трудъ этотъ появится въ свѣтъ въ первой половинѣ будущаго года. Печатаніе по порученію Отдѣленія, подъ редакціей ак. Ягича, нѣкоторыхъ сочиненій чешскаго брата Хельчицкаго также близко къ окончанію. Отпечатана уже «Реплика» (возраженіе) Хельчицкаго противъ Микулаша Бискупца; недостаетъ только краткаго введенія.

Въ 1890 году академикъ Ягичъ еще напечаталъ за границею:

1) Въ изданіяхъ Вѣнской академіи: подробный разборъ двухъ недавно найденныхъ очень древнихъ отрывковъ глаголитскаго письма такъ называемаго Хорватскаго извода. Въ этомъ изслѣдованіи (Glagolitica) вновь обращено вниманіе и на кіевскіе глаголитскіе отрывки. 2) На средства Боснійскаго правительства вышло въ Вѣнѣ изданіе очень обширной и довольно важной сербской грамоты, появившейся подъ названіемъ: Свято-Стефанскій Хрисовуль. 3) На средства того же правительства напечатано подробное описаніе (на латинскомъ языкѣ) одного глаголитскаго служебника, изящно написаннаго, съ миніатюрами и орнаментами, по заказу сплѣтскаго герцога Хервоя, жившаго въ началѣ XV вѣка. Этотъ памятникъ, несмотря на то, что назначенъ для церковной службы по римскому обряду, заключаетъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ заимствованій изъ требника православныхъ сербовъ. Оба эти памятника привезены были на короткій срокъ изъ Константинополя мадьярскою экспедиціей, отправленною туда на средства Австрійскаго императора. 4) Въ «Гласникѣ», издаваемомъ въ Сараевѣ (органѣ тамошняго музея, журналѣ для исторіи и археологіи) напечатана статья: «Нѣсколько соображеній о боснійскихъ каменныхъ надписяхъ». 5) Для Юго-Славянской Академіи въ Загребѣ И. В. Ягичъ приготовилъ къ печати и даже началъ печатать критическое изданіе, съ варіантами, Полицкаго статута — одного изъ самыхъ выдающихся па-

мятниковъ обычнаго права далматинскихъ хорватовъ XV вѣка. 6) Для Сербской Академіи въ Бѣлградѣ И. В. Ягичъ приготовилъ къ печати, по одной замѣчательной сербской рукописи XIII—XIV вѣковъ, собраніе такъ называемыхъ моностиховъ Менандра въ сербско-славянскомъ переводѣ и нѣсколько текстовъ изъ греческихъ флорилегіевъ. То и другое попадается въ юго-славянскихъ рукописяхъ подъ заглавіемъ «О философіи» и «О разумѣ» Когда появятся, съ одной стороны, эти тексты, а съ другой — печатаемый нашимъ Отдѣленіемъ греческій текстъ и славянскій переводъ «Пчелы», тогда можно будетъ поставить вопросъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Какъ результатъ своихъ университетскихъ лекцій, И. В. Ягичъ предположилъ напечатать рядъ очерковъ изъ славянскихъ древностей, которыя служили бы дополненіемъ и продолженіемъ знаменитаго сочиненія П. Шафарика: «Славянскія Древности». Первый изъ такихъ очерковъ, посвященный вопросу о мѣстѣ славянъ въ древней этнографіи Европы, уже доставленъ И. В. Ягичемъ для помѣщенія въ «Сборникѣ» Отдѣленія.

Сверхъ всѣхъ этихъ работъ, И. В. Ягичъ продолжаетъ въ Берлинѣ изданіе своего журнала «Archiv für slav. Philologie». Недавно вышелъ 3-й выпускъ XIII-го тома. Въ каждомъ выпускѣ находятся или статьи, или рецензіи самого редактора. Въ послѣднемъ выпускѣ любопытенъ разборъ хорватскаго перевода «Война и Миръ» графа Л. Н. Толстого. И. В. Ягичъ доказалъ въ этомъ разборѣ, что переводчикъ мало знаетъ русскій языкъ, отчего и переводъ не могъ быть удовлетворителенъ.

Ординарный академикъ А. Н. Веселовскій доканчиваетъ печатаніемъ VI-й выпускъ своихъ «Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха». Выпускъ этотъ содержитъ въ себѣ слѣдующія главы: глава XVIII «Вѣщаніе Вёльвы (Voluspá) и новѣйшая экзегеза». Voluspá считалась до послѣдняго времени одной изъ древнѣйшихъ пѣсенъ такъ называемой стихотворной Эдды, а ея космогоническія и эсхатологическія подробности служили матеріаломъ для построенія нѣмецкой миѳологіи. Правда,

еще до Гримма указаны были въ ней, особенно въ ея эсхатологической части, христіанскія вѣянія; къ образу міровому древа Иггдразилъ естественно напрашивалась параллель мірового же древа-креста. А. Н. Веселовскій, еще до появленія извѣстнаго труда Бугге, не разъ касался этихъ мотивовъ старосѣверной пѣсни, и теперь снова обратился къ этому же вопросу по поводу книги Е. Г. Мейера (Elard Hugo Meyer). До сихъ поръ допускалось присутствіе только эпизодовъ христіанскихъ въ составѣ Волуспы; ея авторъ представлялся человѣкомъ полувѣрнымъ, усвоившимъ образы и символы христіанскаго вѣроученія, которые пріурочилъ къ своему языческому міросозерцанію. Иначе поставилъ вопросъ Мейеръ: по его мнѣнію, авторъ Волуспы не кто иной, какъ Сэмундъ мудрый, не только христіанинъ, но ученый богословъ, стоявшій среди богатаго, литературно-развитаго языческаго преданія, миѳа, поэтическаго стиля; всѣмъ этимъ онъ, будто бы, сознательно воспользовался для выраженія христіанскихъ отвлеченныхъ идей, какъ средневѣковые аллегористы не гнушались классическимъ миѳомъ для того, чтобы вложить въ нихъ иносказательный смыслъ, какъ христіанскій авторъ «Слова о Полку Игоревѣ» говоритъ о внукѣ Дажъ-Бога. Подробнымъ разборомъ гипотезы Мейера А. Н. Веселовскій доказываетъ психологическую немыслимость его воззрѣнія и методологическіе недочеты его работы и снова вводитъ Волуспу въ область той безсознательно-двоевѣрной поэтической литературы, народныя отраженія которой переживаютъ и въ нашемъ духовномъ стихѣ.

Въ главѣ XIX-й А. Н. Веселовскій даетъ опытъ освѣщенія разсказа о раѣ въ посланіи Новгородскаго архіепископа Василія сравненіемъ съ эпизодомъ Бранданова хожденія и ирландскими сказаніями, недавно указанными проф. Цимеромъ. Источникъ соотвѣтствующаго русскаго разсказа былъ, вѣроятно, западный; къ такому воздѣйствію западныхъ сказаній и легендъ на новгородскія мы отчасти приготовлены: укажемъ на нѣмецкій подлинникъ «Прѣнія живота со смертію», на загадочныя отношенія нашей былины о Садкѣ къ эпизоду о Садокѣ въ Tristan le

Léonois, на нѣмецкаго богатыря Дедрика = Дитриха Бернскаго въ записи одного Псалтыря временъ в. кн. Василія Ивановича (объ этомъ академикъ Веселовскій дѣлалъ особый докладъ въ Неофилологическомъ обществѣ).

Въ главѣ XX-й собирается новый матеріалъ къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ, поставленному въ одной изъ главъ предыдущаго выпуска. Къ сообщеннымъ тамъ славянскимъ и тюрко-финскимъ параллелямъ присоединяются теперь и ирокезскія и алгонкинскія. Вопросъ о религіозномъ дуализмѣ у славянъ обобщается за предѣлами возможныхъ на него историческихъ (христіано-богомильскихъ) воздѣйствій въ болѣе широкій и не тронутый: о дуализмѣ, какъ одной изъ раннихъ стадій религіознаго развитія вообще.

Послѣднія главы (XXI—2—XXIII—2) заключаютъ въ себѣ слѣдующее: къ видѣнію Амфилога; большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ, Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ (изъ житія Василія Новаго).

Въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія А. Н. Веселовскій прочелъ отрывокъ изъ своего перевода Боккачіева «Декамéрона». Цѣль этого перевода возможно точно передать архаистическое впечатлѣніе подлинника, особенности его стиля и своеобразную періодичность. Переводъ печатается; его будетъ сопровождать этюдъ о Боккачіо.

Ординарный академикъ Н. С. Тихонравовъ занятъ былъ своимъ изданіемъ «Сочиненій Гоголя», пять томовъ котораго появились въ 1889 и 1890 годахъ, шестой приготовленъ къ печати. Это первое критическое изданіе сочиненій Гоголя. Г. Тихонравовъ тщательно изучилъ всѣ сохранившіяся рукописи Гоголя и въ своихъ примѣчаніяхъ далъ полную литературную исторію произведеній этого писателя (первоначальные наброски «Ревизора», «Мертвыхъ Душъ» и «Женитьбы» найдутъ себѣ мѣсто въ шестомъ томѣ); результаты такого изученія будутъ важны для пониманія и творчества Гоголя, и самой его личности. Въ трудѣ академика Тихонравова рукописи эти употреблены въ

первый разъ. Предшествовавшія изданія тоже тщательно изучены новымъ издателемъ; теперь они конечно становятся совсѣмъ ненужными.

Въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія Н. С. Тихонравовъ прочелъ найденный имъ въ рукописи XVIII вѣка отрывокъ изъ «Девгеніева дѣянія». Отрывокъ этотъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подновленій въ слогѣ, оказывается сходнымъ съ выписками, сдѣланными Карамзинымъ изъ извѣстнаго Пушкинскаго сборника, заключавшаго въ себѣ между прочимъ и «Слово о Полку Игоревѣ»; съ текстомъ, изданнымъ въ «Памятникахъ старинной русской литературы», текстъ Н. С. Тихонравова не сходится. Въ своемъ чтеніи академикъ представилъ любопытныя сравненія этого текста съ греческимъ оригиналомъ и пришелъ къ заключенію, что одинъ изъ его эпизодовъ (о свадьбѣ Девгенія) древнѣе извѣстныхъ греческихъ текстовъ. По случаю празднованія сорокалѣтія литературной дѣятельности академика Тихонравова Отдѣленіе отправило ему поздравительный адресъ.

Экстраординарный академикъ Л. Н. Майковъ занятъ былъ приготовленіемъ къ изданію сочиненій Пушкина, порученному ему Академіею. Изданіе это должно быть критическимъ, основаннымъ на тщательномъ изученіи рукописей Пушкина и первоначальныхъ изданій его сочиненій, вышедшихъ при его жизни. Необходимыя примѣчанія историческія и литературныя, равно какъ и варіанты, должны сопровождать произведенія Пушкина; безъ примѣчаній многое теперь было бы уже непонятно, а варіанты вводятъ въ самый процессъ творчества: только изученіе варіантовъ выяснило, какъ типъ Онѣгина видоизмѣнялся въ представленіи автора; указанная еще Л. И. Поливановымъ современность созданія «Цыганъ», «Демона» и «Онѣгина» и передача стиховъ изъ одного произведенія въ другое служитъ тому нагляднымъ доказательствомъ. Біографія Пушкина должна завершить изданіе. Готовясь къ нему, Л. Н. Майковъ началъ ознакомленіе съ рукописями Пушкина, хранящимися въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ и съ бумагами П. В. Анненкова, ко-

торому принадлежитъ первая попытка критической обработки Пушкинскаго текста. Въ этихъ бумагахъ Л. Н. Майковъ нашелъ любопытный разсказъ В. И. Даля объ его знакомствѣ съ Пушкинымъ; изданіе этихъ доселѣ неизвѣстныхъ воспоминаній дало Л. Н. Майкову, въ объясненіяхъ къ нимъ, возможность освѣтить взглядъ Пушкина на отношенія литературнаго языка къ народной рѣчи. Въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ ак. Майкову удалось найти нѣсколько неизвѣстныхъ писемъ Пушкина къ кн. Вяземскому и А. С. Норову. Рядомъ съ изученіемъ текста произведеній Пушкина шло у Леонида Николаевича изученіе журналистики современной Пушкину. Отъ В. Е. Якушкина, владѣющаго значительнымъ количествомъ Пушкинскихъ рукописей, г. Майковъ получилъ обѣщаніе, что онѣ будутъ сообщены ему для употребленія въ предположенномъ изданіи. Вообще Отдѣленіе, предпринимая критическое изданіе произведеній величайшаго изъ художниковъ русскаго слова, надѣется встрѣтить сочувствіе русскаго общества, которое прежде всего можетъ быть выражено тѣмъ, что лица, имѣющія рукописи и письма Пушкина въ своемъ распоряженіи, не откажутся предоставить ихъ во временное пользованіе Отдѣленія.

Въ Сборникѣ II-го Отдѣленія ак. Майковъ напечаталъ по тремъ спискамъ любопытный памятникъ старины: «Бесѣду о Цареградѣ». Значеніе этого впервые нынѣ изданнаго памятника для топографіи Константинополя въ періодъ между временнымъ господствомъ въ немъ Франковъ и турецкимъ завоеваніемъ уже оцѣнено такимъ знатокомъ дѣла, какъ Г. С. Дестунисъ, въ особой критической статьѣ; замѣчанія, какъ г. Дестуниса, такъ и другихъ лицъ, навели Л. Н. Майкова на новыя соображенія о литературной исторіи «Бесѣды» и побудили его составить дополненіе къ своему труду, которое и появится въ «Сборникѣ». Тамъ же будутъ напечатаны академикомъ Майковымъ разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ, извѣстные до сихъ поръ въ неполномъ изданіи М. П. Погодина; къ тексту этихъ разска-

зовъ г. Майковъ предполагаетъ присовокупить примѣчанія и изслѣдованія объ источникахъ разсказовъ Партова.

Кромѣ этихъ трудовъ, Л. Н. Майковымъ окончено въ отчетномъ году изданіе отдѣльною книгой сборника критическихъ статей его покойнаго брата Валеріана Николаевича, даровитаго молодого человѣка, дѣйствовавшаго въ литературѣ сороковыхъ годовъ. Къ этому сборнику приложены нашимъ сочленомъ матеріалы для литературной характеристики В. Н. Майкова, изъ которыхъ обнаруживается направленіе критическихъ работъ молодого писателя.

Въ томахъ «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности», вышедшихъ въ теченіе 1890 года, помѣщено нѣсколько важныхъ сочиненій постороннихъ ученыхъ, о которыхъ умѣстно будетъ упомянуть здѣсь. Таковъ трудъ П. А. Ровинскаго: «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ»; первый томъ его хотя и былъ отпечатанъ въ 1888 году, но будучи задержанъ изготовленіемъ карты, появился только въ отчетномъ году. Этотъ обширный томъ обнимаетъ собою географію и исторію Черногоріи до прекращенія владѣнія владыкъ. У насъ очень мало было писано о Черногоріи, притомъ давно и случайными путешественниками; г. Ровинскій прожилъ въ Черногоріи болѣе десяти лѣтъ и имѣлъ случай вполнѣ познакомиться съ страною. Такимъ образомъ сочиненіе его получаетъ особое значеніе и заставляетъ ожидать скорѣйшаго окончанія. Приложенная къ этому труду карта основана на точномъ изученіи страны и должна быть признана первою картою Черногоріи, составленною по научнымъ даннымъ.

Къ важнымъ пріобрѣтеніямъ науки принадлежитъ изданный подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова сборникъ П. В. Шейна: «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края»; окончаніе перваго тома этого сборника появилось въ 1890 году, начало же издано было еще въ 1887 г. Весь первый томъ посвященъ лирическимъ пѣснямъ: въ первой половинѣ помѣщены были пѣсни обрядовыя, бесѣдныя, бытовыя, шуточныя; во второй—свадебныя и похоронныя причитанія. Пѣсни

когда нужно сопровождаются описаніемъ обрядовъ и всегда распредѣляются по мѣстностямъ, гдѣ записаны. Сборникъ этотъ составленъ трудами самого П. В. Шейна, нѣкоторыхъ его корреспондентовъ, а частію матеріалъ его заимствованъ изъ надежныхъ прежнихъ изданій.

Въ 1890 году появился II-й томъ «Сочиненій А. А. Котляревскаго». Подобно первому, онъ заключаетъ въ себѣ критическія статьи нашего покойнаго члена-корреспондента. Статьи эти часто блещутъ остроумными соображеніями или останавливаютъ на себѣ вниманіе полезными библіографическими указаніями; даже тѣ изъ нихъ, которыя нынѣ уже устарѣли, любопытны, какъ показатели состоянія науки лѣтъ тридцать тому назадъ.

Въ 1890 году Отдѣленіе понесло одну горестную утрату: 26-го октября скончался членъ-корреспондентъ Отдѣленія, профессоръ Казанской Духовной Академіи И. Я. Порфирьевъ.

Сынъ священника Вятской губерніи, онъ учился въ мѣстной семинаріи, откуда въ 1844 году поступилъ въ Казанскую Духовную Академію; окончилъ здѣсь курсъ въ 1848 г., а съ 1849 г. со степенью магистра началъ преподавать русскую словесность въ той же Академіи; эта каѳедра осталась за нимъ до кончины. Близкое знакомство съ рукописями Соловецкой библіотеки, перенесенной въ Казань во время Крымской войны, послужило основаніемъ для обширной начитанности проф. Порфирьева въ старинной русской письменности. Въ особенности занимался онъ изученіемъ такъ называемой апокрифической литературы. Начавъ свою литературную дѣятельность нѣсколькими статьями въ «Православномъ Собесѣдникѣ», И. Я. Порфирьевъ въ 1872 году издалъ свое сочиненіе «Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ», за которое получилъ степень доктора богословія. Сочиненіе это представляетъ обозрѣніе происхожденія и характера апокрифическихъ книгъ и свидѣтельствуетъ о большомъ знакомствѣ автора какъ съ рукописями, такъ и съ литературою объ апокрифахъ и разными изданіями ихъ. Въ дополненіе къ этому

изслѣдованію авторъ составилъ сборникъ самихъ апокрифовъ, изъ рукописей Соловецкихъ, который въ 1877 году изданъ былъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности; въ 1890 году, послѣ кончины И. Я. Порфирьева, появился въ изданіи нашего Отдѣленія составленный имъ Сборникъ новозавѣтныхъ апокрифовъ, сопровождаемый также введеніемъ объ ихъ литературной исторіи. Трудъ И. Я. Порфирьева: «Исторія русской словесности» (оканчивающійся вѣкомъ Екатерины II) пользуется общимъ признаніемъ: въ немъ, въ особенности въ I томѣ, приняты во вниманіе всѣ новыя изслѣдованія и результаты ихъ повѣрены собственными изысканіями автора.

Почтенная личность И. Я. Порфирьева пользовалась глубокимъ уваженіемъ слушателей, и изъ среды ихъ онъ подготовилъ нѣсколько полезныхъ дѣятелей по изученію нашей старинной письменности и духовнаго просвѣщенія въ древней Руси.

Въ заключеніе нашего отчета мы не можемъ не вспомнить, что сегодня исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти одного изъ нашихъ достойнѣйшихъ сочленовъ, Петра Александровича Плетнева, который занималъ должность предсѣдательствующаго въ нашемъ Отдѣленіи и скончался въ Парижѣ 29 декабря 1865 года. Въ этотъ день, въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ, голосъ его нерѣдко раздавался здѣсь, съ нашей академической каѳедры. Плетневъ принадлежалъ къ составу Отдѣленія русскаго языка и словесности съ самаго учрежденія его въ 1841 г. Въ это время онъ уже пользовался обширною извѣстностью какъ литераторъ и профессоръ и недавно былъ избранъ въ первый разъ ректоромъ С.-Петербургскаго университета. Литературная извѣстность его началась около 20-хъ годовъ, когда, въ качествѣ члена Вольнаго Общества любителей словесности, онъ дѣятельно сотрудничалъ въ журналѣ «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», помѣщая въ немъ свои первые поэтическіе опыты. Но вскорѣ онъ покинулъ этотъ родъ творчества и посвятилъ себя преимущественно эстетической критикѣ, какъ такой области, къ которой онъ сознавалъ свое истинное призваніе. Принадлежа

къ карамзинской школѣ писателей, онъ выработалъ свои литературные взгляды въ обществѣ лучшихъ представителей тогдашняго умственнаго движенія, особенно своихъ друзей: Жуковскаго, Пушкина и Дельвига; съ двумя послѣдними онъ сблизился по окончаніи курса наукъ въ Главномъ педагогическомъ институтѣ почти одновременно съ ихъ выпускомъ изъ Царскосельскаго лицея.

По кончинѣ Плетнева Отдѣленіе опредѣлило собрать разсѣянные въ журналахъ сочиненія его и издать ихъ вмѣстѣ съ его перепискою, чтó и было исполнено трудами академика Грота, котораго связывала съ покойнымъ многолѣтняя дружба. Какъ человѣкъ, Плетневъ оставилъ по себѣ неизгладимую память въ сердцахъ всѣхъ его знавшихъ: это былъ одинъ изъ самыхъ благородныхъ характеровъ, исполненный кротости и любви; университетская молодежь, чтившая въ немъ добраго начальника и просвѣщеннаго преподавателя, всегда встрѣчала съ его стороны готовность помочь каждому и совѣтомъ и дѣломъ. Многочисленные ученики и ученицы его, разсѣянные по всей Россіи, питали къ нему чувства горячей преданности и благодарности. Въ лѣтописяхъ нашего учрежденія, какъ и въ русской литературѣ, имя Плетнева никогда не забудется.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ЗА 1890 ГОДЪ.

I. Записка ординарнаго академика М. И. Сухомлинова объ ученыхъ трудахъ члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ Н. С. Тихонравова.

Читана въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности 27 января 1890 года.

Имя профессора Московскаго университета, доктора русской словесности и члена-корреспондента Академіи наукъ Николая Саввича Тихонравова, пользуется почетною и вполнѣ заслуженною извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Посвятивъ себя изученію избранной отрасли знаній, Н. С. Тихонравовъ неутомимо работаетъ на ученомъ поприщѣ, внося въ науку въ высшей степени цѣнные вклады. Въ теченіе всей своей дѣятельности Н. С. Тихонравовъ, ученый по призванію, остается вѣренъ требованіямъ науки. Критическая разработка текстовъ, опредѣленіе состава памятниковъ, указаніе источниковъ, богатство данныхъ, объясняющихъ характеръ и литературную судьбу произведеній, все это составляетъ неотъемлемое достоинство многочисленныхъ изслѣдованій и изданій профессора Тихонравова.

Изданіе памятниковъ, вполнѣ удовлетворяющее требованіямъ науки, имѣетъ первостепенное значеніе, и литература наша обязана Н. С. Тихонравову превосходными изданіями, относящимися къ различнымъ эпохамъ русской жизни и образованности.

Н. С. Тихонравовымъ изданы строго-научнымъ образомъ Памятники такъ называемой «отреченной» русской литературы. Два тома. Изданіе этихъ памятниковъ и изслѣдованіе о нихъ являются плодомъ историческаго изученія разнообразныхъ редакцій и списковъ сравнительно съ греческими и югославянскими памятниками. По замѣчанію издателя, «подлинники большей части апокрифическихъ книгъ, обращавшихся въ древней Россіи, греческіе, но они переходили въ древнюю Русь въ сербскихъ и болгарскихъ переводахъ; въ теченіе долгой жизни на Руси переводы значительно измѣнялись въ своемъ содержаніи и формѣ, много появлялось въ нихъ русскихъ вставокъ, намековъ и приспособленій». Вслѣдствіе этого Н. С. Тихонравовъ желалъ въ своемъ изданіи «представить изслѣдователямъ славянской старины одинъ и тотъ-же памятникъ въ различныхъ его редакціяхъ и въ различные періоды его литературной исторіи» и т. д.

Другой капитальный трудъ профессора Тихонравова изданъ подъ названіемъ: «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ». Два тома. Матеріалы для этого труда нашъ ученый извлекалъ изъ рукописей Императорской публичной библіотеки, Императорской Академіи наукъ, Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, Московской синодальной библіотеки, Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, Московской духовной академіи, Московскаго Успенскаго собора и Кіевской духовной академіи. Примѣчанія къ этому изданію и вводная статья подъ названіемъ: «Репертуаръ русскаго театра въ первыя пятьдесятъ лѣтъ его существованія» составляютъ самостоятельныя изслѣдованія, освѣщающія одну изъ любопытнѣйшихъ отраслей нашей литературы переходнаго времени.

Благодаря Н. С. Тихонравову мы имѣемъ изданіе сочиненій Гоголя, вполнѣ достойное знаменитаго писателя, которымъ по справедливости гордится наша литература. Текстъ свѣренъ съ рукописями Гоголя и съ первоначальными изданіями его произведеній; примѣчанія весьма важны въ научномъ отношеніи.

Сверхъ названныхъ изданій, состоящихъ изъ нѣсколькихъ

томовъ, Н. С. Тихонравовымъ издаваемы были и отдѣльныя произведенія древней и новой литературы, какъ напримѣръ: Слово о полку Игоревѣ, сатира Кантемира, и мн. др.

Важнымъ вкладомъ въ нашу литературу и науку было повременное изданіе Н. С. Тихонравова: «Лѣтописи русской литературы и древности». Вышло пять томовъ, заключающихъ въ себѣ много матеріаловъ для исторіи русской словесности. Изслѣдованія, принадлежащія ученому издателю «Лѣтописей», названы въ прилагаемомъ спискѣ его научныхъ трудовъ.

Кругъ изслѣдованій профессора Тихонравова обнимаетъ различные періоды русской литературы. Видное мѣсто въ ряду трудовъ Н. С. Тихонравова занимаютъ составленныя имъ біографіи Новикова, Рубана, Фонвизина; профессоровъ Московскаго университета: Баузе, Буле, Шварца и др.

Академія наукъ давно уже обратила вниманіе на ученую дѣятельность профессора Тихонравова. Въ 1863 году онъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Труды Н. С. Тихонравова появлялись на страницахъ академическихъ изданій, и академія наукъ неоднократно обращалась къ нему для критическаго разбора произведеній, представляемыхъ на преміи. Какъ члены Второго отдѣленія, такъ и тѣ изъ членовъ другихъ отдѣленій, которые участвовали въ присужденіи наградъ, могутъ засвидѣтельствовать, какою основательностью и строго-научнымъ характеромъ отличаются обширные разборы Н. С. Тихонравова, всегда съ большою готовностью принимавшаго порученія академіи.

По вызову Академіи наукъ написаны Н. С. Тихонравовымъ разборы представленныхъ въ академію трудовъ: Исторія русской словесности, Галахова; В. А. Жуковскій, Загарина; Калѣки-перехожіе, сборникъ Безсонова. Въ прилагаемомъ перечнѣ названы и другіе труды автора.

Исторія русской словесности составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ занятій Отдѣленія русскаго языка и словесности: на этомъ основаніи предлагается къ выбору въ дѣй-

ствительные члены академіи, съ званіемъ ординарнаго академика, заслуженный профессоръ Н. С. Тихонравовъ, справедливо признаваемый учеными однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей исторіи русской словесности, какъ науки. Подтвержденіемъ правъ его на званіе академика можетъ служить прилагаемый краткій перечень трудовъ его, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ (1851—1889):

1851.

Essai sur la littérature russe (брошюра, изданная въ Ливорно въ 1771 г.).

1852.

О Смирдинскомъ изданіи сочиненій Ломоносова.

1853.

О Смирдинскомъ изданіи сочиненій Фонвизина.

Матеріалы для біографіи Ломоносова (по бумагамъ Штелина).

1854.

Графъ Ростопчинъ и литература въ 1812 году.

1855.

Біографіи профессоровъ: Баузе, Буле, Шварца (въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета).

1856.

Біографіи Новикова, Рубана и Д. Фонвизина (въ Біографической лѣтописи извѣстнѣйшихъ питомцевъ Московскаго университета).

1858.

Неизданная сатира Кантемира: «На состояніе свѣта сего. Къ солнцу» (съ введеніемъ и примѣчаніями).

Киріякъ Кондратовичъ, переводчикъ прошлаго вѣка.

1859—1863.

Повременное изданіе: «Лѣтописи русской литературы и древности». Изъ помѣщенныхъ въ этомъ изданіи изслѣдованій и замѣтокъ принадлежатъ Н. С. Тихонравову слѣдующія:

1) Начало русскаго театра.

2) Повѣсть объ Аполлонѣ, королѣ Тирскомъ.
3) Луцидаріусъ.
4) Слова и поученія, направленныя противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ.
5) Замѣтка для исторіи Стоглава.
6) Новый списокъ «Слова о Даніилѣ Заточникѣ».
7) Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской.
8) Шемякинъ судъ.
9) Повѣсть о прѣніи живота со смертью.

1861.

Житіе протопопа Аввакума.

1862.

Четыре года изъ жизни Карамзина (1784—1788).

1863.

Памятники отреченной русской литературы.

1864.

Разборъ Сборника г. Безсонова: «Калѣки-перехожіе» (по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ).

1865.

Памяти С. П. Шевырева (читано на актѣ Московскаго университета).

О литературной дѣятельности Ломоносова.

Боярыня Морозова, эпизодъ изъ исторіи русскаго раскола.

1866.

Слово о полку Игоревѣ. (Второе, передѣланное, изданіе 1868 г.).

Опытъ словаря о россійскихъ писателяхъ, Новикова.

1867.

Квиринъ Кульманъ.

1868.

Толковая Палея и ея литературная исторія (читано на Археологическомъ съѣздѣ въ Петербургѣ).

1869.

Кіевскій митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ).

1870.

Московскіе вольнодумцы XVIII вѣка и Стефанъ Яворскій.

1873.

Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра.

1874.

Исторія древне-русской статьи: «О книгахъ истинныхъ и ложныхъ» (читано на Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ).

1876.

Новый отрывокъ изъ «Хожденія Авраамія Суздальскаго (1439)».

Разборъ сочиненія А. Д. Галахова: «Исторія русской словесности» (по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности).

1879.

Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ.

1880.

Пушкинъ (читано въ торжественномъ собраніи Московскаго университета).

1881.

Н. И. Пироговъ въ Московскомъ университетѣ (по документамъ университетскаго архива).

Владиміръ, трагедо-комедія Ѳеофана Прокоповича.

1882.

Синодикъ и родительскій лѣтописецъ Строгоновыхъ.

1884.

Современная (1769) характеристика Сумарокова.

1885.

Разборъ сочиненія г. Загарина: «В. А. Жуковскій» (по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности).

1886.

Первоначальный сценическій текстъ комедіи Гоголя: «Реви-

зоръ» съ прибавленіемъ изслѣдованія: «Очеркъ исторіи текста комедіи *Ревизоръ*».

Первое представленіе «Ревизора» на московской сценѣ.

1889.

Полное собраніе сочиненій Гоголя. Четыре тома.

Матеріалы для исторіи русской словесности и русскаго просвѣщенія сообщаемы были Н. С. Тихонравовымъ въ слѣдующія изданія:

1) Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности.

2) Сборникъ того-же Общества.

3) Русская Старина.

4) Русскій Архивъ.

5) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ.

6) Вѣстникъ Общества древне-русскаго искусства.

II. Записка ординарнаго академика А. Ѳ. Бычкова объ ученыхъ трудахъ члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ К. Н. Бестужева-Рюмина.

Читана въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности 20 января 1890 г.

Въ средѣ отечественныхъ ученыхъ нашего времени выдающееся мѣсто занимаетъ членъ-корреспондентъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ. Литературная и ученая дѣятельность его началась съ 1847 года и за небольшими перерывами продолжается до настоящаго времени. Первыми произведеніями, вышедшими изъ-подъ пера Константина Николаевича, были помѣщенные въ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ разборы явившихся въ то время полныхъ собраній сочиненій Фонъ-Визина, Озерова и Крылова и отзывъ о сочиненіи Гоголя «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Эти статьи, небольшія по объему, уже обнаружили въ Бестужевѣ-Рюминѣ и богатыя свѣдѣнія по исторіи отечественной литературы, и умѣнье вѣрно опредѣлить достоинства разбираемыхъ авторовъ и указать ихъ недостатки. Позволяю себѣ выписать нѣсколько строкъ изъ разбора Переписки Гоголя, появленіе которой дало поводъ ко многимъ язвительнымъ нападкамъ на автора «Мертвыхъ душъ». Эти строки дадутъ понятіе о томъ, какъ Бестужевъ-Рюминъ, наперекоръ господствовавшему въ то время мнѣнію, оцѣнивалъ это произведеніе Гоголя. «Мы видимъ — писалъ К. Н. — въ новой дорогѣ, принятой талантомъ Гоголя, только новую ступень его развитія, ступень, которой онъ не могъ миновать. Погруженный въ изученіе свѣтлой стороны русскаго быта, которую онъ хотѣлъ выставить во 2-й части Мертвыхъ душъ, авторъ обратился къ источнику всего прекраснаго на Руси — святой пра-

вославной Церкви, и въ немъ совершилось обращеніе... Что же касается до элементовъ его таланта, они сохранились и при новомъ направленіи его литературной дѣятельности. Та-же лирическая восторженность, тотъ-же юморъ, — только слезы, прежде скрываемыя беззаботно-веселымъ съ виду смѣхомъ, выступили наружу. Авторъ, какъ самъ говоритъ, обладалъ всегда способностію видѣть свои недостатки, и способность эта усилилась во время болѣзни и произвела то самоуничиженіе, то презрѣніе къ своимъ трудамъ, которое показалось критикамъ притворнымъ»... Вотъ заключительный выводъ Бестужева-Рюмина о достоинствѣ и значеніи Переписки Гоголя; при всей справедливости оцѣнки нѣкоторыхъ сторонъ этого произведенія, выводъ, какъ намъ кажется, является нѣсколько преувеличеннымъ: «Книга Гоголя— говоритъ К. Н.—принадлежитъ къ отраднѣйшимъ явленіямъ литературы нашей. До всѣхъ самыхъ живыхъ и современныхъ вопросовъ касалась она. И большая часть этихъ вопросовъ рѣшена полно, основательно и глубоко. Невольно пробуждается мысль при чтеніи статей этихъ. Самыя даже пьесы невполнѣ развитыя и неудавшіяся замѣчательны по основной мысли и по изложенію».

Съ 1854 года К. Н. становится сотрудникомъ литературнаго отдѣла Московскихъ Вѣдомостей. Первыя работы его въ этомъ повременномъ изданіи имѣли также близкое отношеніе къ исторіи Русской литературы. Это были его разборы: труда Булича «Сумароковъ и современная ему критика», нѣсколькихъ томовъ Сочиненій Пушкина, изданныхъ подъ редакціей Анненкова, и сочиненій графа Соллогуба. Давая отзывъ о сочиненіи Булича, Бестужевъ-Рюминъ обратилъ особенное вниманіе на басни Сумарокова, указалъ ихъ связь съ обществомъ и опредѣлилъ отношеніе ихъ къ баснямъ Хемницера.

По мнѣнію К. Н., для Сумарокова литература являлась средствомъ смягчать нравы; и хотя онъ не отличался ученостію, но былъ образованъ и вслѣдствіе того имѣлъ большое вліяніе на общество, даже, можетъ быть, большее, чѣмъ кто-нибудь изъ его современниковъ. Въ статьѣ о новомъ изданіи сочиненій

Пушкина, пользуясь матеріалами, собранными Анненковымъ, К. Н. провелъ мысль, что Пушкинъ былъ поэтомъ живой образной мысли, былъ художникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ для него вопросъ объ отчетливой формѣ произведеній былъ не пустымъ вопросомъ, потому что онъ сознавалъ, что небрежность формы иногда служитъ признакомъ незрѣлости мысли. Указаніе нѣкоторыхъ ошибокъ въ изданіи Анненкова свидѣтельствуетъ о близкомъ знакомствѣ Бестужева-Рюмина съ произведеніями нашего поэта и съ обществомъ того времени. Разбору сочиненій Соллогуба К. Н. предпослалъ сжатый, но очень содержательный очеркъ русской повѣсти и затѣмъ, перейдя къ разсмотрѣнію сочиненій Соллогуба, нашелъ, что онъ въ своихъ повѣстяхъ одинъ изъ первыхъ изобразилъ «большой свѣтъ». Впрочемъ, повѣсти Соллогуба не представляютъ большой оригинальности, на нихъ замѣтно отразилось вліяніе Бальзака, и только въ «Тарантасѣ» можно усмотрѣть поворотъ на иную дорогу, стремленіе глубже вглядѣться въ русскую жизнь.

Выходъ въ свѣтъ 2-й книжки «Пермскаго сборника», 1-й и 3-й книжекъ «Лѣтописей Русской литературы и древности» Тихонравова и сочиненія Щепкина «Объ источникахъ и формахъ Русскаго баснословія» дали матеріалъ для обширной и очень дѣльной статьи, носящей заглавіе: «Различныя направленія къ изученію Русской народности». Здѣсь Бестужевъ-Рюминъ сообщилъ очеркъ существовавшихъ у насъ историческихъ школъ и указалъ ихъ направленіе и недостатки, а также неосновательные выводы, главнымъ образомъ вслѣдствіе черезъ-чуръ широкаго пользованія аналогіей. Мало по малу была сознана необходимость болѣе подробнаго и добросовѣстнаго изученія бытового матеріала, и это заставило искать его и обнародовать.

Окончательнымъ выводомъ статьи было слѣдующее положеніе, съ которымъ нельзя не согласиться, что только путемъ серьезнаго изученія русской жизни, которое началось еще весьма недавно, можно найти разгадку тайны настоящаго состоянія Россіи и провидѣть ея будущность.

Продолженіе этой статьи составляетъ помѣщенный въ Отечественныхъ Запискахъ 1861 года разборъ, впрочемъ не подписанный Бестужевымъ-Рюминымъ, сборниковъ народныхъ былинъ и пѣсенъ, изданныхъ Рыбниковымъ, Кирѣевскимъ, Шейномъ и Безсоновымъ. Въ томъ разборѣ К. Н. изложилъ свой взглядъ на богатырей старшихъ и богатырей второго періода, связываемыхъ съ историческимъ Владиміромъ. Обративъ преимущественное вниманіе на эпическія произведенія русской народной поэзіи, онъ прежде всего занялся былинами объ Ильѣ Муромцѣ и рельефно очертилъ характеристическія черты этой личности. Къ сожалѣнію, статья осталась неконченною.

Столь же содержательною является статья, носящая заглавіе «Славянофильское ученіе и его судьба въ Русской литературѣ». Она написана по случаю появленія въ свѣтъ сочиненій Кирѣевскаго, К. С. Аксакова и А. С. Хомякова, и содержа главнымъ образомъ разборъ трудовъ этихъ первыхъ вождей славянофильства и опредѣленіе характера направленія каждаго изъ нихъ, въ то же время старается указать отличительныя черты самой школы, ими основанной, и ея отношенія къ другимъ направленіямъ русской литературы, къ школѣ натуральной и западнической. Съ нѣкоторыми взглядами вышеназванныхъ авторовъ К. Н. не соглашается и оспариваетъ ихъ, но тѣмъ не менѣе симпатіи его лежатъ къ ученію, ими проповѣдуемому, основнымъ положеніямъ котораго принадлежитъ по его мнѣнію будущность, а эти положенія заключаются въ томъ, что русскому православному народу слѣдуетъ возвратиться къ началамъ старой русской жизни, что ему принадлежитъ право на своеобразное развитіе, безъ всякой регламентаціи, такъ какъ каждый народъ имѣетъ право по-своему развивать и учрежденія, и даже науку.

Мы имѣемъ еще нѣсколько рецензій, или, правильнѣе сказать, статей Бестужева-Рюмина, касающихся исторіи русской литературы. Къ числу такихъ должно отнести рецензіи на «Историко-литературный обзоръ Русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ (X—XV в.)» Андрея Попова; на сочине-

нія А. С. Пушкина, изданныя съ объясненіемъ ихъ и сводомъ отзывовъ критики Львомъ Поливановымъ (статья озаглавлена: «Пушкинъ въ изданіи Л. И. Поливанова»); на сочиненіе Трубачева «Пушкинъ въ русской критикѣ» и на нѣкоторыя другія.

Во всѣхъ этихъ статьяхъ изслѣдователь отечественной литературы найдетъ новые взгляды на предметъ и много цѣнныхъ поправокъ и дополненій къ прежнимъ трудамъ. Сюда же должно причислить и некрологи, иногда правда очень краткіе, о нѣкоторыхъ нашихъ писателяхъ и ученыхъ, но въ которыхъ всегда можно встрѣтить справедливую и вѣрную оцѣнку дѣятельности и трудовъ этихъ лицъ. Особенною задушевностію отличается некрологъ П. И. Мельникова.

Изъ этого краткаго перечня уже можно видѣть, что Бестужевъ-Рюминъ не мало потрудился для исторіи нашей литературы и какъ критикъ сочиненій нѣкоторыхъ нашихъ писателей, и какъ даровитый истолкователь и наблюдатель смѣнявшихся у насъ литературныхъ направленій. Гораздо болѣе значенія, чѣмъ историко-литературные труды Бестужева-Рюмина, имѣютъ его сочиненія по отечественной исторіи, изъ которыхъ, впрочемъ, нѣкоторые могутъ быть отнесены и къ разряду историко-литературныхъ. Русскою исторіею К. Н. началъ заниматься съ назначеніемъ его преподавателемъ исторіи въ Александровскій сиротскій корпусъ, и съ того времени въ продолженіе 35 лѣтъ ни одно сколько-нибудь замѣчательное сочиненіе по русской исторіи не было оставлено имъ безъ вниманія: о каждомъ изъ нихъ онъ далъ печатно подробный отчетъ, указалъ его значеніе и достоинства, отмѣтилъ недостатки, и если не соглашался съ авторомъ въ оцѣнкѣ лицъ и событій, то представлялъ свою собственную оцѣнку тѣхъ и другихъ, которая нерѣдко проливала новый свѣтъ или требовала тщательнаго пересмотра фактовъ. Особенно выдаются какъ по обширности, такъ и по содержательности разборы Исторіи Россіи Соловьева. Выходъ въ свѣтъ каждаго новаго тома этой Исторіи вызывалъ Константина Николаевича не только дѣлать оцѣнку труда Соловьева, но и дѣлиться съ

читателями своимъ богатымъ запасомъ знаній. Эти статьи, если-бы ихъ соединить вмѣстѣ, составили бы объемистый томъ. Нѣкоторые высказанные въ нихъ взгляды и положенія нашли впослѣдствіи мѣсто въ написанной имъ Русской Исторіи.

Въ статьѣ, помѣщенной въ «Московскомъ Обозрѣніи» 1859 года и носящей заглавіе «Современное состояніе Русской Исторіи, какъ науки», Бестужевъ-Рюминъ поставилъ цѣлью указать на существенныя стороны развитія науки русской исторіи съ тѣхъ поръ, какъ она стала наукой и на современное ея направленіе, насколько таковое выразилось въ вышедшихъ тогда восьми томахъ Исторіи Россіи Соловьева. Въ этой статьѣ подробно изложены взгляды на русскую исторію князя Щербатова, Карамзина, Полевого и Соловьева; представленъ очеркъ состоянія и разработки источниковъ отечественной исторіи въ эпоху появленія труда Соловьева; разсмотрѣны школа скептическая и сочиненія ея антагониста Погодина и данъ подробный очеркъ вопроса о родовомъ бытѣ, разработаннаго въ сочиненіяхъ Кавелина, Тюрина, Соловьева, Чичерина и др., причемъ К. Н., не соглашаясь ни съ одной изъ теорій родового быта указанныхъ авторовъ, высказалъ объ этомъ предметѣ самостоятельное мнѣніе, которое впослѣдствіе онъ проводилъ въ своей Русской Исторіи. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ трудѣ Бестужевъ-Рюминъ едва ли не первый сказалъ доброе слово объ Исторіи русскаго народа Полевого, представляющей замѣчательную попытку приложить выводы Европейской науки къ Русской исторіи.

Черезъ 9 лѣтъ послѣ появленія этого сочиненія, не утратившаго значенія и въ настоящее время, Бестужевъ-Рюминъ, напечаталъ свой трудъ о составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка, за которое онъ былъ удостоенъ степени доктора русской исторіи. Это сочиненіе съ одной стороны по новизнѣ предмета и употребленныхъ пріемовъ, съ другой — по трудности отдѣленія составныхъ частей нашей древней лѣтописи, требовавшаго большой осторожности и осмотрительности, по справедли-

вости можетъ быть причислено къ крупнымъ явленіямъ въ области русской исторіографіи. Въ продолженіе ряда годовъ Бестужевъ-Рюминъ печаталъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ монографіи, посвященныя оцѣнкѣ научной дѣятельности представителей русской исторіи. Изъ этихъ монографій составилась книга подъ названіемъ «Біографіи и характеристики» (СПБ. 1882). Въ ея составъ вошли слѣдующія статьи, исполненныя живого интереса и заключающія много новыхъ фактовъ: В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ начала XVIII вѣка; Августъ Людвигъ Щлёцеръ; Карамзинъ какъ историкъ; М. П. Погодинъ; Сергій Михайловичъ Соловьевъ; Степанъ Васильевичъ Ешевскій и Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ. Особенною содержательностью отличается статья о Татищевѣ, а біографія Ешевскаго дышитъ задушевностью; много мѣткаго и живого встрѣчается въ характеристикахъ Погодина и Соловьева, а юбилейная рѣчь о Карамзинѣ отличается вѣрнымъ взглядомъ на труды нашего исторіографа.

Но среди многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ Бестужева-Рюмина его Русская Исторія, окончившаяся къ сожалѣнію царствованіемъ Іоанна Грознаго и продолженная статьею, помѣщенною въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», до избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича, составляетъ замѣчательное сочиненіе. Этотъ многолѣтній трудъ К. Н. является первою попыткою представить культурную исторію Россіи; въ немъ подробно разработана бытовая часть, придающая ему особенное значеніе, чтó, впрочемъ, не исключаетъ возможности получить полное и живое понятіе о прошедшихъ судьбахъ отечества. Слѣдуетъ замѣтить, что Бестужевъ-Рюминъ въ этомъ трудѣ соблюдаетъ большую осторожность въ выводахъ и взглядахъ и даетъ читателю посредствомъ указанія матеріаловъ возможность составить собственное сужденіе и приговоръ о событіяхъ и лицахъ.

Особенно цѣнно въ «Русской Исторіи» введеніе—систематическій сводъ всего написаннаго по русской исторіи, отличающійся

безпристрастіемъ и уваженіемъ ко всѣмъ дѣятелямъ, содѣйствовавшимъ чѣмъ-либо развитію науки и ея обогащенію.

Къ числу новѣйшихъ произведеній Бестужева-Рюмина принадлежитъ помѣщенная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1888 года статья, подъ заглавіемъ: «Теорія культурно-историческихъ типовъ». Это есть подробное изложеніе содержанія замѣчательнаго сочиненія Н. Я. Данилевскаго «Россія и Европа», доказавшаго возможность самостоятельной русской или, точнѣе, всеславянской культуры и созданія въ нашемъ отечествѣ на основахъ его бытія новой самостоятельной цивилизаціи.

Нашъ очеркъ ученой дѣятельности Константина Николаевича былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули о многочисленныхъ его статьяхъ по русской исторіи, помѣщенныхъ въ Энциклопедическомъ Словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами, о прекрасномъ переводѣ Исторіи цивилизаціи въ Англіи Бокля, о четырехъ его брошюрахъ по русской исторіи, изданныхъ товариществомъ Общественная Польза, выдержавшихъ по нѣскольку изданій: «О крещеніи Руси, о Владимірѣ Святомъ, о сыновьяхъ его и монастырѣ Печерскомъ», «Князь Вдадимиръ Всеволодовичъ Мономахъ и потомки его, Мономаховичи, или о временахъ княжескихъ смутъ и усобицъ», «О злыхъ временахъ татарщины и о страшномъ Мамаевомъ побоищѣ», «О томъ, какъ росло Московское княжество и сдѣлалось Русскимъ царствомъ».

Этотъ краткій очеркъ ученой дѣятельности К. Н. Бестужева-Рюмина достаточно указываетъ на важность и достоинство его многочисленныхъ трудовъ, которые даютъ ему полное право на званіе ординарнаго академика Второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Составленный и напечатанный г. Козеко библіографическій списокъ литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина, доведенный до мая мѣсяца 1889 года, освобождаетъ меня отъ повторенія его при настоящей запискѣ.

Въ этомъ спискѣ, на 32 страницахъ, приведено свыше 200 трудовъ нашего уважаемаго ученаго.

III. Записка адъюнкта Л. Н. Майкова объ ученыхъ трудахъ члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ Н. А. Лавровскаго.

Читана въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности 20 января 1890 года.

Ученые труды Николая Алексѣевича Лавровскаго обнимаютъ собою почти сорокалѣтній періодъ времени, и почти всѣ они, или по крайней мѣрѣ бóльшая ихъ часть, относятся къ исторіи русской словесности и вообще русскаго просвѣщенія. Въ томъ научномъ движеніи, которое совершалось въ этой области въ теченіе означеннаго періода, трудамъ Н. А. Лавровскаго принадлежитъ видное мѣсто, а по нѣкоторымъ вопросамъ и починъ ихъ возбужденія.

Такъ, еще въ раннихъ своихъ изслѣдованіяхъ, въ двухъ диссертаціяхъ на ученыя степени — «*О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками*» (1853 г.) и «*О древне-русскихъ училищахъ*» (1854 г.), онъ проявилъ не только основательность познаній, но и умѣнье выбирать для изслѣдованія вопросы важные и новые въ кругу изученія отечественной старины. Все, чтó можно было выяснить по этимъ вопросамъ тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, при довольно ограниченномъ запасѣ матеріаловъ, успѣшно высказано Н. Л. Лавровскимъ въ названныхъ трудахъ, и они до сихъ поръ остаются руководящими по тѣмъ предметамъ, разсмотрѣнію которыхъ посвящены. Изслѣдованіе о древне-русскихъ училищахъ замѣчательно еще тѣмъ, что для объясненія явленій древне-русской жизни Н. А. Лавровскій — одинъ изъ первыхъ у насъ — обратился къ ана-

логіямъ изъ византійскаго быта. Въ то время такой пріемъ былъ новостью, а какъ извѣстно, при дальнѣйшемъ развитіи науки онъ уже успѣлъ дать значительные плоды. Но самъ изслѣдователь не удовольствовался первыми добытыми имъ результатами по любопытному вопросу объ учебномъ дѣлѣ въ древней Руси. Статья его «*Памятники стариннаго русскаго воспитанія*», напечатанная въ 1861 году, служитъ прямымъ и существеннывъ дополненіемъ къ изслѣдованію о древне-русскихъ училищахъ, дополненіемъ тѣмъ болѣе цѣннымъ, что оно основано на рукописныхъ матеріалахъ, впервые обслѣдованныхъ авторомъ.

Въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ Н. А. Лавровскій касался разныхъ сторонъ исторіи русской образованности.

Изъ области древне-русской литературы онъ остановилъ свое вниманіе на тѣхъ памятникахъ, которые особенно интересовали стариннаго русскаго грамотника и оказали вліяніе на самый складъ народнаго міровоззрѣнія, именно — на памятникахъ литературы апокрифической. Составленное имъ «*Обозрѣніе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ*» (1864 г.) можетъ служить полезнымъ пособіемъ къ изученію этихъ произведеній.

По изученію памятниковъ устнаго народнаго творчества главнымъ вкладомъ со стороны Н. А. Лавровскаго была обстоятельная статья «*О Петровскихъ пѣсняхъ*» (1872 г.). Народныя представленія о Петрѣ Великомъ здѣсь мѣтко характеризованы, и вообще статья эта должна быть признана однимъ изъ лучшихъ изслѣдованій по части нашего позднѣйшаго историческаго эпоса.

Изъ дѣятелей XVIII вѣка на поприщѣ просвѣщенія два лица въ особенности были предметомъ изученія со стороны Н. А. Лавровскаго — Ломоносовъ и императрица Екатерина II, какъ писательница. Появленіе въ 1865 году многочисленныхъ матеріаловъ о Ломоносовѣ, изданныхъ нашею Академіей, побудило Н. А. Лавровскаго заняться ихъ разработкой. Его книга «*О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ*» (1865 г.) была первымъ опытомъ воспользоваться этими документами для біографіи вели-

каго двигателя русскаго просвѣщенія въ прошломъ вѣкѣ. Представляя въ своемъ сочиненіи критическую оцѣнку названныхъ изданій, Н. А. Лавровскій проложилъ путь дальнѣйшимъ изслѣдователямъ, и нельзя сказать, чтобы труды послѣднихъ по разработкѣ біографіи Ломоносова заслонили собою тотъ прекрасный опытъ, который былъ сдѣланъ Н. А. Лавровскимъ. Что касается литературной дѣятельности Императрицы Екатерины, то Н. А. Лавровскій поставилъ себѣ задачею выяснить участіе великой государыни въ ходѣ развитія у насъ учебно-воспитательныхъ идей. Въ трудѣ подъ заглавіемъ: «*О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой*» (1856 г.) авторъ указываетъ сперва общее отношеніе произведеній Екатерины къ состоянію русскаго образованія въ ея время, а затѣмъ отмѣчаетъ, съ одной стороны, связь ея педагогическихъ идей съ идеями западно-европейскихъ мыслителей XVIII, вѣка, а съ другой—ту долю самостоятельности, которая проявляется въ мысляхъ императрицы. Воззрѣнія, высказанныя Н. А. Лавровскимъ въ этомъ прекрасномъ очеркѣ, сдѣлались съ тѣхъ поръ общепризнаннымъ достояніемъ науки.

Столѣтній юбилей знаменитаго нашего баснописца Крылова въ 1868 году подалъ Н. А. Лавровскому мысль написать замѣчательный очеркъ его литературной дѣятельности.

Наконецъ, по исторіи отечественнаго просвѣщенія въ текущемъ столѣтіи мы обязаны Н. А. Лавровскому цѣлымъ рядомъ статей о возникновеніи Харьковскаго университета и объ одномъ изъ главныхъ подвижниковъ въ этомъ дѣлѣ—В. Н. Каразинѣ. Долгая служба автора въ Харьковскомъ университетѣ доставила ему возможность близко ознакомиться съ тамошнимъ архивомъ и на основаніи документовъ, извлеченныхъ отсюда, Н. А. Лавровскій подробно изобразилъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи русскаго просвѣщенія временъ Александра I. Другой подобный трудъ посвященъ Н. А. Лавровскимъ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко за время съ 1820 по 1832 годъ; онъ также основанъ на архивныхъ ис-

точникахъ и содержитъ въ себѣ очень цѣнныя свѣдѣнія объ этомъ училищѣ, гдѣ между прочимъ получилъ образованіе Гоголь.

Представленный очеркъ заключаетъ въ себѣ только краткій обзоръ, а не полный перечень учено-литературныхъ трудовъ Н. А. Лавровскаго. Кромѣ названныхъ сочиненій, ему принадлежитъ не мало статей и замѣтокъ меньшаго объема по части исторіи литературы и просвѣщенія и, сверхъ того, нѣсколько статей по вопросамъ педагогики. Но и тѣ черты, которыми охарактеризована здѣсь учено-литературная дѣятельность Н. А. Лавровскаго, показываютъ широкій кругъ его ученыхъ интересовъ. Затѣмъ, кромѣ разнообразія, его ученые труды отличаются богатствомъ данныхъ, принятыхъ въ соображеніе, тщательностью обработки, строгостью заключеній и ясностью изложенія. Все это ставитъ Н. А. Лавровскаго въ рядъ тѣхъ нашихъ ученыхъ, участіе которыхъ въ занятіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности можетъ быть признано весьма желательнымъ.

Списокъ учено-литературныхъ трудовъ Н. А. Лавровскаго.

1852.

1. Избраніе Михаила Θедоровича на царство.

   Опыты историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главнаго педагогическаго института. С.-Пб. 1852, стр. 179—282.

1853.

2. О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками. С.-Пб. 1853.

1854.

3. О древне-русскихъ училищахъ. Харьковъ. 1854.
4. Разборъ Слова о житіи и преставленіи в. кн. Димитрія Іоанновича.

   Не напечатано, но было представлено во II-ое Отдѣленіе Академіи Наукъ. См. Извѣстія Имп. Ак. Н. по Отд. р. яз. и слов., т. IV.

1856.

5. О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой. Харьковъ 1856.

6. Русскій языкъ въ областныхъ нарѣчіяхъ.
Москвитянинъ 1856 г., т. IV.

1858.

7. О прусскихъ регулятивахъ 1, 2 и 3 сентября 1854 года.
Журналъ Мин. Нар. Просв. 1858 г., ч. XCVII, двѣ статьи.

1859.

8. Мэнтенонъ, ея сочиненія и педагогическая дѣятельность до основанія Сенъ-Сира.
Русское слово 1859 г., № 10.

1861.

9. Замѣтка о словѣ Севріа въ апокрифическомъ сказаніи объ Адамѣ.
Моск. Вѣдомости 1861 г., № 24.

10. Памятники стариннаго русскаго воспитанія.
Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей росс. при Имп. Моск. университетѣ 1861 г., кн. III.

11. О педагогическихъ бесѣдахъ въ уѣздныхъ училищахъ.
Ж. М. Н. Пр. 1861 г., ч. СХ.

12. Объ осмотрѣ низшихъ учебныхъ заведеній директорами училищъ.
Ж. М. Н. Пр. 1861 г., ч. СХ.

1862.

13. Повѣсть о чудотворномъ образѣ Богородицы, находившемся въ Выдропускѣ.
Лѣтописи русск. литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравова, кн. IV. М. 1862.

14. Рѣчь о заслугахъ ректора Харьковскаго университета А. П. Рославскаго-Петровскаго.
Моск. Вѣдомости 1862 г., № 250.

1863.

15. Мнѣніе о преподаваніи новаго періода русской литературы.
Циркуляръ по Харьковскому учебному округу 1863 г., №№ 11 и 12.

16. Обозрѣніе учительскихъ съѣздовъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ.
Ж. М. Н. Пр. 1863 г., чч. CXVII и CXVIII, двѣ статьи.

17. По поводу преобразованія духовныхъ семинарій.
Спб. Вѣдомости 1863 г., №№ 166 и 167.

1864.

18. Обозрѣніе ветхо-завѣтныхъ апокрифовъ. Харьковъ. 1864.
Отд. оттиски изъ Духовнаго Вѣстника 1864 г., т. IX.

1865.

19. Нѣсколько словъ о Ломоносовѣ.
Памяти Ломоносова. 6-го апрѣля 1865 г. Харьковъ. 1865.

20. О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ. Харьковъ. 1865.

1866.

21. А. П. Зернинъ. Рѣчь при его погребеніи.
Харьковск. губ. вѣдомости 1866 г., № 73.

22. Карамзинъ и его литературная дѣятельность. 1 дек. 1866. Харьковъ. 1866.

1867.

23. По вопросу объ устройствѣ гимназій.
Ж. М. Н. Пр. 1867 г., ч. CXXXVI.

1868.

24. О Крыловѣ и его литературной дѣятельности.
Ж. М. Н. Пр. 1868 г., ч. CXXXVI.

25. О русской народной поэзіи. Публичная лекція въ Харьковѣ. Воронежъ. 1868.
Отд. оттискъ изъ Филолог. Записокъ 1868 г. т. VII.

М. Д. Деларю.
Харьк. губ. вѣдомости 1868 г., №№ 26 и 27.

1869.

26. Первоначальная исторія Харьковскаго университета.
Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CXLV, отд. 2.

27. Замѣчанія о первоначальной исторіи Харьковскаго университета.
Харьк. губ. вѣдомости 1869 г., №№ 26 и 27.
28. Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета.
Ж. М. Н. Пр. 1869 г., ч. CXLV.
29. О сношеніи Н. М. Карамзина съ Харьковскимъ университетомъ.
Русск. Архивъ 1869 г., № 12.

1870.

30. О новомъ чешскомъ переводѣ Слова о полку Игоревѣ (Эрбена).
Ж. М. Н. Пр. 1870 г., ч. LXI.

1871.

31. Очеркъ о жизни и дѣятельности К. Я. Эрбена.
Ж. М. Н. Пр. 1871 г, ч. CLIV.

1872.

32. Къ біографіи Фонъ-Визина.
Ж. М. Н. Пр. 1872 г., ч. CLX.
33. Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета.
Ж. М. Н. Пр. 1872 г., ч. CLIX.
34. О Петровскихъ пѣсняхъ. Воронежъ. 1872.
Отд. оттискъ изъ Филолог. Записокъ 1872 г., т. XI.

1873.

35. Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета.
Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей росс. при Имп. Моск университетѣ 1873 г., кн. II.
36. «Опытъ русской исторіи» Рейта.
Ж. М. Н. Пр. 1873 г., ч. CLXV.
37. Воспоминаніе о В. Н. Каразинѣ.
Ж. М. Н. Пр. 1873 г., ч. CLXV.
38. Значеніе настоящаго времени (praesenti) въ классификаціи славянскихъ глаголовъ и образованіе его сравнительно съ родственными языками.
Ж. М. Н. Пр. 1873 г., ч. CLXVI.
39. Замѣчаніе о гирѣ Константина Багрянороднаго.
Ж. М. Н. Пр. 1873 г., ч. CLXVI.

1877.

40. Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. Кіевъ. 1877.

Отд. оттискъ изъ Извѣстій историко-филолог. института кн. Безбородка 1877 г., т. I.

41. Рѣчь на актѣ историко-филологическаго института князя Безбородка 30-го августа 1877 года.

Извѣстія ист.-филол. института кн. Безбородка 1878 г., т. II.

1879.

42. Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородка въ Нѣжинѣ. 1820—1832.

Извѣстія ист.-филолог. института кн. Безбородка 1879 г., т. III.

1881.

43. Къ біографіи Н. В. Гоголя. Рѣчь по поводу открытія памятника Гоголю въ Нѣжинѣ.

Извѣстія ист.-филолог. института кн. Безбородка 1881 г., т. VI.

44. Къ біографіи Н. В. Гоголя. Кіевъ. 1882.

1885.

45. Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи.

Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изд. Имп. Варшавск. университетомъ. Варшава. 1885.

1887.

46. Изъ семьи и школы А. С. Пушкина. Рѣчь въ торжественномъ собраніи Варшавскаго университета 1-го февраля по поводу пятидесятилѣтія со смерти Пушкина.

Варшавскій Дневникъ 1887 г., №№ 29, 30 и 31.

IV. Записка ординарнаго академика М. И. Сухомлинова объ ученыхъ трудахъ адъюнкта Императорской Академіи Наукъ Л. Н. Майкова.

Читана въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности 17 марта 1890 года.

Адъюнктъ Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности Л. Н. Майковъ около тридцати лѣтъ подвизается на литературномъ поприщѣ, избравши предметомъ своихъ научныхъ работъ и изслѣдованій исторію русской словесности. Академія Наукъ неоднократно выражала свое сочувствіе къ научной дѣятельности Л. Н. Майкова, увѣнчавъ трудъ его высшею наградою, предоставленною въ ея распоряженіе для трудовъ въ этой области, избравъ г. Майкова въ члены-корреспонденты по Отдѣленію русскаго языка и словесности, а впослѣдствіи и въ дѣйствительные члены Академіи съ званіемъ адъюнкта. Въ запискѣ, представленной въ Общее Собраніе при выборѣ Л. Н. Майкова въ адъюнкты, указаны его научные труды съ 1863 до 1888 года. Не смотря на то, что еще такъ недавно составлена эта записка, она уже оказывается неполною, и списокъ трудовъ его долженъ быть увеличенъ новыми вкладами въ нашу литературу. Главнѣйшій изъ нихъ посвященъ открытому Л. Н. Майковымъ памятнику старинной русской литературы, изображающему столицу византійскихъ императоровъ до взятія ея турками въ пятнадцатомъ столѣтіи. Трудъ Л. Н. Майкова, представленный въ Отдѣленіе и нынѣ отпечатанный подъ заглавіемъ: «Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда» со-

ставляетъ начало предположеннаго авторомъ ряда изслѣдованій въ области старинной русской литературы. Въ означенномъ трудѣ Л. Н. Майковъ помѣстилъ текстъ открытаго имъ литературнаго памятника пятнадцатаго вѣка и снабдилъ его подробнымъ объясненіемъ. Изслѣдованіе Л. Н. Майковъ приводитъ къ заключенію, что «Бесѣда о достопамятностяхъ Цареграда» есть памятникъ сложный: хотя она и составлена въ пятнадцатомъ столѣтіи, но въ основу ея положено произведеніе болѣе раннее, именно описаніе Константинополя, сдѣланное русскимъ паломникомъ около 1300 года и остававшееся до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Описаніе это заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о состояніи Цареграда вскорѣ по освобожденіи его отъ господства латынянъ, и потому составляетъ значительное пріобрѣтеніе, какъ для русской паломнической литературы, такъ отчасти для исторіи и древностей Византіи.

Въ этотъ-же короткій періодъ времени напечатано изслѣдованіе Л. Н. Майкова о первыхъ шагахъ Крылова на литературномъ поприщѣ, составленное на основаніи вновь найденныхъ документовъ.

При изученіи памятниковъ различныхъ эпохъ необходимымъ пособіемъ служатъ библіографическіе труды и разысканія, и вѣрная, критическая оцѣнка ихъ имѣетъ безспорное значеніе для успѣшнаго хода литературныхъ работъ. По поводу выхода въ свѣтъ увѣнчаннаго Академіею Наукъ труда г. Неустроева: «Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.» Л. Н. Майковъ составилъ критическій разборъ, заключающій въ себѣ весьма цѣнныя указанія и дополненія. Л. Н. Майковымъ составленъ также основательный разборъ труда г. Губерти подъ названіемъ: «Матеріалы для русской библіографіи». Трудъ г. Губерти удостоенъ награды графа Уварова въ 1889 году, какъ объявлено объ этомъ въ отчетѣ о присужденіи наградъ графа Уварова, читанномъ въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ 25 сентября 1889 года.

Важную заслугу тружениковъ науки составляетъ изданіе литературныхъ памятниковъ, удовлетворяющее требованіямъ научной критики. Достоинство принадлежащаго Л. Н. Майкову изданія сочиненій Батюшкова указано въ запискѣ объ ученыхъ трудахъ Л. Н. Майкова, составленной по поводу избранія его въ дѣйствительные члены Академіи. Трудъ Л. Н. Майкова увѣнчанъ полною Пушкинскою преміею. Въ настоящее время Л. Н. Майковъ предпринялъ новый, обширный трудъ—критическое изданіе сочиненій Пушкина. Планъ этого изданія одобренъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, и ученый издатель приступилъ уже къ собиранію и разработкѣ необходимыхъ матеріаловъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго имѣю честь представить Отдѣленію объ избраніи Адъюнкта Академіи Наукъ Л. Н. Майкова нынѣ же въ экстраординарные Академики по Отдѣленію русскаго языка и словесности. При этомъ позволяю себѣ заявить, что Леонидъ Николаевичъ, и по научнымъ заслугамъ своимъ и по самой продолжительности своей учено-литературной дѣятельности, могъ быть избранъ въ Академики при самомъ вступленіи своемъ въ Академію, и представляя его тогда въ Адъюнкты, Отдѣленіе желало только соблюсти постепенность, установленную академическимъ обычаемъ.

По произведенной затѣмъ баллотировкѣ Л. Н. Майковъ оказался единогласно избраннымъ въ кандидаты на званіе экстраординарнаго Академика.—Положено представленіе о томъ внести въ Общее Собраніе Академіи.